

Фэн Цзюцин, сияя глазами, смотрел на Мо Лина, словно не замечая исходящей от того скрытой жажды убийства:

— Дорогой гость, неужели ты так мне доверяешь?

Мо Лин незаметно отстранился, в его черных глазах невозможно было прочесть истинных чувств:

— Я, разумеется, доверяю тебе, господин. Вопрос лишь в том, оправдаешь ли ты это доверие.

Фэн Цзюцин выпрямился. Его лицо, озаренное лукавой улыбкой, напоминало то ли сошедшее на землю божество, то ли духа из персикового сада.

— Тогда наблюдай внимательно.

Мо Лин отпил вина:

— С нетерпением жду.

Фэн Цзюцин тихо рассмеялся, игриво выхватил у него кубок и вместо него поставил чайник:

— Вино вредит здоровью. Дорогому гостю лучше выпить чаю.

Мо Лин бросил на Фэн Цзюцина тяжелый взгляд. Власть, присущая лишь правителю, вмиг заполнила комнату, отчего у прислуживавших неподалеку служанок задрожали ноги.

Фэн Цзюцин сохранял невозмутимость и холодно приказал:

— Уходите. Дорогому гостю хватит и моего обслуживания.

— Слушаемся! — служанки вмиг побросали дела и выскочили из комнаты, словно за ними гнались дикие псы.

Когда они ушли, аура Мо Лина не только не ослабла, но стала еще острее. Улыбка исчезла с его лица, а темные глаза лениво скользнули по чайнику.

Фэн Цзюцин налил ему чаю. В его глазах блестела влага, он протянул чашку с видом просящего, а голос, лишившись недавней холодности, приобрел чарующие нотки и юношескую чистоту:

— Это чай Мэндин этого года. Цинцин просит у дорогого гостя прощения. Прошу, будь снисходителен, не держи зла за мою недавнюю дерзость.

Мо Лин не взял чай. Вместо этого он протянул руку, подцепил Фэн Цзюцина за подбородок и провел пальцем по его алым, словно напитанным влагой губам:

— Не вижу искренности в твоих словах, Глава.

Фэн Цзюцин улыбнулся еще очаровательнее прежнего и, воспользовавшись моментом, сел Мо Лину на колени:

— И что же должен сделать Цинцин, чтобы ты поверил в мою искренность?

Мо Лин на мгновение опешил, но тут же вновь нацепил мягкую улыбку, в которой, впрочем, не было ни капли тепла. Он смотрел на красавца в своих объятиях свысока:

— Ты очень смел. Но обычно у тех, кто слишком смел, судьба складывается незавидно.

Глаза Фэн Цзюцина покраснели, из них покатались слезы, придавая ему вид, вызывающий жалость.

— Дорогой гость, ты сердишься на Цинцина?

Мо Лин подумал: думал, он храбрец, а оказался всего лишь котенком, который не спрятал когти. Стоило слегка напугать его, как он тут же подставил мягкое брюшко, выпрашивая ласку. Но он не любил грязных кошек, да и терпением никогда не отличался, поэтому надеялся, что этот котенок окажется покладистее.

Улыбка Мо Лина стала еще нежнее, а жажда убийства в его глазах почти обрела плоть, но Фэн Цзюцин опустил голову и этого не увидел.

— Вон! Я не люблю прикасаться к тому, что уже было в чужих руках.

— Ха-ха-ха! Фэн Цзюцин, не зря ты был его наставником, ядовитый язык у вас один на двоих! — электронный голос Системы заливался издевкой прямо в голове у Фэн Цзюцина. Сама же Система, пользуясь тем, что видит её только он, помахивала пушистым хвостом и строила рожи.

У Фэн Цзюцина зачесались кулаки. Если бы это не был его собственный ученик, он бы задал ему такую трепку, что тот забыл бы, где север!

Фэн Цзюцин глубоко вздохнул и, подняв взгляд, изобразил на лице крайнюю степень обиды. Он не только не ушел, но и, поставив чашку, обвинил шею Мо Лина, дыша ему в лицо:

— Разве дорогой гость не знает, что сегодня Цинцин впервые принимает гостя?

Мо Лин припомнил, что когда он входил, хозяин заведения действительно обмолвился, что сегодня первая ночь Главы. Если этот человек еще чист... Мо Лин помрачнел. С такой внешностью — он заберет его себе.

Он сжал талию Фэн Цзюцина — рука едва обхватила её.

Мо Лин приоткрыл тонкие губы, и его голос, лишившись прежней мягкости, стал холодным:

— Я не люблю вещи, которыми пользовались другие. И точно так же, к моей собственности никто не смеет прикасаться. Ты понимаешь?

Фэн Цзюцин, чей взгляд словно обладал крючьями, способными вытянуть душу, медленно приблизился к Мо Лину. В тот миг, когда тот замер от неожиданности, он быстро чмокнул его в уголок губ, вырвался из рук и отступил к другому краю стола.

— Ха-ха-ха! — Фэн Цзюцин оперся рукой о стол и весело рассмеялся, а его голос вновь стал обольстительным: — Дорогой гость, ты, кажется, забыл: Цинцин — Глава, я продаю искусство, а не тело.

Родинка у края глаза его собеседника стала еще притягательнее, а кисточки украшений, спадавшие на плечи, выглядели прекраснее любого дворцового полотна.

В глазах Мо Лина вспыхнул огонек, но тут же погас в непроглядной тьме его зрачков. Он взял чай, заваренный Фэн Цзюцином, и сделал глоток:

— Ароматный, дурмнящий разум.

Неясно было, о чае он говорит или о человеке.

Затем он встал — он оказался на полголовы выше Фэн Цзюцина.

Мо Лин взял чайник, вылил остатки чая на пол, улыбнулся и разжал пальцы. Раздался звонкий звук разбивающегося фарфора.

Он вытер руки платком, не спеша подошел к Фэн Цзюцину, одной рукой поднял его и усадил на стол, после чего вновь обхватил за талию.

Фэн Цзюцин не сопротивлялся, но, видя, что Мо Лин с такой легкостью поднял его одной рукой, почувствовал некоторую неловкость.

Во-первых, ученик силен — это хорошо. Во-вторых, его вот так усадили на стол — а как же его достоинство? Хотя здесь никого нет, Фэн Цзюцин все же счел поведение ученика дерзким: какой еще ученик посмеет удерживать Наставника императора за талию?

Мо Лин вдруг рассмеялся. Это была не та вежливая фальшивая улыбка. Лицо Фэн Цзюцина предательски вспыхнуло: трудно сохранять хладнокровие, когда перед тобой безупречное лицо, на которое можно смотреть под любым углом.

Особенно когда этот человек — тот, о ком он так долго мечтал.

Мо Лин приближался все ближе. Фэн Цзюцин, всегда отличавшийся красноречием, онемел, не в силах вымолвить ни слова.

Мо Лин склонился к его уху и прошептал:

— Серьги очень красивые. Мне нравятся.

«Ну, хоть вкус у тебя есть, парень. Я сам их выбирал, разве могут они быть некрасивыми?» — только успел подумать Фэн Цзюцин, как вдруг вскрикнул от боли.

Этот негодник Мо Лин укусил его за ушную раковину! Талия была зажата в тиски, вырваться не было никакой возможности. Фэн Цзюцин глубоко вздохнул: ученики — это те еще создания, иногда они просто напрашиваются на порку.

Он уже хотел возмутиться, но услышал угрожающий шепот Мо Лина:

— Если я что-то выбрал, оно принадлежит мне. И ты тоже. Будь послушным, Цинцин. Я не хочу, чтобы ты закончил как тот чайник. Ты ведь такой красивый, я не хочу тебя разбивать.

Фэн Цзюцин нахмурился. Чему только научился Мо Лин за тот год, что его не было? Раньше Мо Лин был донельзя покладистым, никогда не ходил в увеселительные заведения и даже отбор наложниц проигнорировал, из-за чего Фэн Цзюцин подозревал, что тот решил остаться холостяком. Но теперь казалось, что Мо Лин — сторонник однополый любви?

И к тому же, эту «рукавную» связь разорвал именно он? Это же абсурд, полнейший абсурд! Впрочем, невелика беда. В истории было столько императоров с такими наклонностями, и династии продолжали процветать. Проблема не так уж велика.

— И что же дорогой гость намерен делать? Выкупит Цинцина домой в наложницы или сделает своей тайной забавой без всякого статуса? Я не из тех людей. Если не можешь сделать женой, то и не выкупай. В наложницы я не пойду, — Фэн Цзюцин ослепительно улыбнулся, вырисовывая пальцем узоры на груди Мо Лина.

Что делать? Мо Лин об этом не думал. В конце концов, Цинцин из увеселительного заведения, да к тому же мужчина. Если он объявит его своей наложницей, чиновники устроят такой скандал, что несколько цензоров наверняка расшибутся головами о стены дворца. А если он сделает Цинцина императрицей — это вообще за гранью здравого смысла. Боялся, что чиновники будут стоять на коленях перед Дворцом Цяньюань, пока не умрут.

<http://bllate.org/book/21502/2203448>